

# ПОЛИНКИНО СЕРДЦЕ

На ноябрьские праздники Полинка отпросилась домой. После врачебного обхода и недолгих процедур она, с учётом ветреной и сырой погоды, тепло оделась в загодя принесённую мужем одежду, неприметно через приёмный покой вышла на улицу. Постояла, раздумывая, напрямиком ли идти по стационарным путям или вкруговую автобусом ехать. Второе выбрала. Не рискнула пешком. Прижмёт ещё сердчишко, в последнее время сильно сдавшее, где-нибудь на месте безлюдном...

Давно предупреждали её врачи о сердечной недостаточности, «дальше откладывать нельзя!» — говорили. Она и сама сознавала, что без операции не обойтись, но тянула всё, откладывала по разным причинам. Главным образом, из-за Люськи, дочки единственной,

подрости ей давала, себя не жалючи. Решилась на операцию, когда невоготу уже стало.

Прежде чем на предоперационное обследование лечь, в конце лета с последними силёнками на родину свою малую собралась. Здравствующего отца в дальней степной деревне навестить, с роднёй многочисленной пообщаться, с подругами свидеться. Нестерпимо захотелось по памятным с детства местам походить, дочурке восьмилетней показать. Подумала, неизвестно ещё, как сложится операция, хотя в Свердловском, лучшем отечественном кардиологическом центре будут её делать. Вдруг другой возможности съездить на родину не представится после.

Исполнила Полинка задуманное. Две недели, прощально словно, впитывала в себя деревенское, родное, за немалые разлучные годы в сибирском краю не забытое. Люську повсюду с собой водила, вдоль Ильмень-речки больше, по лугам её заливным и ветловой рощице. Радужными воспоминаниями дочурку веселила, сама веселилась.

На кладбище лишь Люську не взяла. Одной хотелось там побыть. На могилке матери долго сидела, про жизнь свою не совсем складную рассказывала. Упрекнула даже было, родиную, что напрасно, для страданий больше, в сорок три года девятой её родила. Но спохватилась тотчас, материнский крест металлический обняла, слёзно

прощения просила за мысли свои неразумные, до жестокости неблагодарные. Её ли не любила мать, не о ней ли, меньшенькой, единственной из деток семейно не определившейся, тревожилась перед кончиной своей?

Всплакнула Полинка и на могилке Влада, двадцатилетним угоревшего в бане. Случайной и нелепой для всех была его смерть. Не смог он, знала она, разделить между нею и матерью, ради беспрекословной власти над сыном готовой даже проклясть его в случае обручения с любимой девушкой, Полиной то есть, ревностно неугодной ей.

— Не ровня она тебе. Учёная слишком, с медалью школу закончила, в институте учится. Всю жизнь под каблучком её будешь, — внушала она сыну изо дня в день, присмотрев для него другую невесту, заземлённую заметно, еле-еле со школой справившуюся, но покорную.

— Спихватишься однажды, да поздно будет! — пугала не прислушивающегося к её материнским доводам сына. — Впрочем, не маленький. Поступай, как знаешь. Беги к ней в город, расписывайся. Только дорогу обратную домой забудь. Я или она! Одно из двух!

С отчаяния, в минуту душевной слабости Влад выбрал треть, смертельной порции банного угарного газа нахвтался.

Тогда-то впервые остро кольнуло в груди Полинкино сердце.

С тех пор и стало частенько напоминать о себе.

— Возможно, встретимся скоро, — прошептала она теперь, через много лет после того страшного дня. — Расскажешь всё, как было, правоту мою подтвердишь.

Обессиленная вернулась она с кладбища, таблеток наглоталась, отлежалась еле. По этой причине вынужденно в обратную дорогу поспешила, отказавшись от поездки к тётке в соседнюю, не очень дальнюю деревушку, как намечала.

Не задержалась Поинка и в областном центре у брата с сестрой, несколько дней лишь погостила, Люську поводила по городу, знакомому ей со времени учёбы в здешнем пединституте. Несколько раз забывалась, правда, на междугородный автовокзал всё сворачивала, билет купить порывалась до районного посёлка Александровка, где свою педагогическую деятельность начинала, где ещё одна трагическая смерть полоснула по её сердцу.

В том районном посёлке колхозного механика, подрабатывающего в школе, потеряла она навсегда. Задавило его на школьном поле, молодого, весёлого и видного, только-только после пробной городской жизни окончательно к земле притянувшегося. Не одна красавица по нему сохла, а он полюбил учительницу, недавно приехавшую, тихую и грустную. Сумел он растопить в её глазах устоявшуюся

печалинку, улыбку её прежнюю вернуть.

Вскорости и предложение сделал, с родителями познакомил, благословения попросил. Не откладывая на поздний срок, свадьбу сразу же после завершения осенне-полевых работ сыграть решили, готовиться к ней стали. Да не сыгралась свадьба...

...За неделю до назначенной свадьбы горе случилось. Продружив до петухов, не стал Сергей кратким сном себя мучить. Переодевшись в рабочее, на школьный двор спозаранку отправился, старенькой дэтэшкой занялся, лемеха и предплужники плуга просмотрел, на зябку по своему методу отрегулировал, чтобы с приходом старшекласников тотчас к делу приступить. Дождался подопечных, показал им взаимодействие трактора с плугом. Чтобы не держать всех, очерёдность установил, домой отправил. С первым учеником два круга проехал, на третий самостоятельно пустил. Сам же в ожидании его прилёт в затишок копёшки сена и незаметно уснул, да так крепко, что не услышал рокота трактора, смертельно зацепившего его крайним лемехом при развороте на очередной круг.

Боль утраты наречённого усиливалась в Поинке нежным, схожим с виноватостью, вниманием к ней матери Сергея, что переносилось куда тяжелее, чем холодный, молчаливо-укоряющий взгляд матери Влада.

Не выдержала Полинка. Отработав положенные два года, уехала с подругой-сокурсницей в её сибирский городок, где и осталась прозаично с братом подруги, намного старше себя, сошлась в естественном бабьем желании ребёнка родить и в семейных заботах забыться потихоньку...

Не так и много годочков с тех пор минуло, но по нагрузке на сердце каждый из них можно было засчитать за два, а то и за три, если сейчас вот, в тридцать пять лет всего, на праздники отпросившись из больницы, не могла она без передыха короткое расстояние до автобусной остановки одолеть. Хорошо, с автобусом повезло, тотчас вывернул на площадь, словно поджидал больную за густым ельником парка.

Полинка уселась на одноместное сиденье ближе к выходу, жадно стала смотреть через мутное от начавшегося дождя стекло на принаряженный к празднику город. Казалось, он пылал жаром флажков и транспарантов, но на первой же нецентральной улице красноцветье быстро угасло, и разом навалилась то скливая серость осеннего дня, ещё острее почувствовалось холодное дыхание подступающей зимы. По одной из таких безликих улиц Полинка прошла к рубленому крепкому дому, так и не ставшему ей родным. Прежде чем подняться на высокое крыльцо, отдышавшись, постояла под тополем, успевшим за

время её нахождения в больнице растерять до последнего листочка свою былую пышно-золотую одежду.

Её встретила свекровь, старуха восьмидесяти лет, грузная, с большими, отказывающимися ходить ногами, отчего сиднем просиживающая у окошка свои однообразные дни.

— Пришла? — как бы между прочим поинтересовалась она. Взвесила что-то на своих старческих весах, тяжело поднялась, шагнула к невестке, словно кряжистая старая осина к тонюсенькой молодой осинке. — Какие новости?

— Обследуют. Вы-то как здесь без меня управляетесь? Холодно что-то. — Полинка зябко подёрнула плечиками то ли от прохлады нетопленного помещения, то ли от холодности свекрови к ней. — Не топили или выветрилось уже?

— Не топили. Вася утром дров не занёс. Сижую вот, поджидаю — кто первым придёт.

Полинка в несколько заходов натаскала кучу берёзовых, мелко под короткую плиту колотых поленьев.

— Чего надрываешься? — пожалела её свекровь. — Куда столько? И половины хватило бы.

— Постирать хочу. Много, гляжу, грязного накопилось.

— Пожалела бы себя, повредила бы.

— Туговато со временем, на праздники только отпросилась.

После и вовсе не до стирки будет, в Свердловск ехать придётся.

— Без Васи не начинала бы, — отговаривала свекровь, вроде бы жалела невестку, а сама уже стала даже кухонные грязные тряпки собирать для стирки.

— Не скоро он будет. Видела, на тракторе за сеном поехал. Кому-то, наверное, срочно его помощь понадобилась: на праздник не посмотрели, — ответила Полинка. — Ну и ладно. Ничего со мной не случится. Простирну потихоньку. Ещё ведь и убраться в доме надо. Праздники как-никак!

Полинка растопила плиту, принесла воды из собственного неглубокого колодца в палисаднике, поставила греть. Пока печка аппетитно хрумкала дровами, через силу отобедала, самую малость на диване полежала.

В самый разгар стирки прибежала Люська, обрадовалась матери, зацеловала её, затараторила:

— А у нас концерт сегодня. Я тоже пою. Мам, пойдём?

— С удовольствием, доченька, сходила бы, да видишь, некогда. Ты беги уже. Вечером перед нами выступишь, ладно?

— Ладно. — Люська наскоро съела булочку с молоком, переоделась в нарядное праздничное, и лёгкая, прозрачная вся, с матерью схожая, упорхнула, точно бабочка.

Трудно было Полинке отказать дочурке и не пойти с ней,

побросав все домашние дела. Тянуло её в школу, ставшую для неё роднее мужниного дома. Помимо уроков и хлопотных обязанностей завуча, она внеклассные занятия проводила, всяческие кружки вела. По существу, все дни там и находилась, даже выходное по всем статьям воскресенье прихватывала. Во всём этом искала необходимую для себя отдушину от поднадоевшего быта, серого вне школы, всё плотнее и плотнее обступавшего её, на больное сердце давившего тяжко. В школе лишь ощущала она радость от задуманного ею и свершённого её воспитанниками, Люськой в том числе, ни на шаг от неё не отходящей, дополнительные силы ей придающей. Не столько премиям и призам, завёванным школой при её участии на разных выставках и соревнованиях, она радовалась, сколько увлечённости ребят творчеством, их прикосновению к духовному и красивому.

Ценили педагоги Полинку, уважали родители школьников. Про детей и говорить нечего. Они просто липли к ней. Эх, если бы ещё и муж понимал её и больше тянулся к ней, помогал в её стремлениях, чем к собутыльникам стремился своим.

К приходу дочурки Полинка успела управиться со стиркой, развесила бельё в тесноватом дворе и просторной веранде, за приборку дома взялась. Для пользы дела и свекровь с Люськой

подключила, хотя от них, старой и больной да малой, толку мало, зато веселее. Казалось, вот-вот обессиленно свалится она посреди слишком просторного для них, четверых, дома. Нет же! Не свалилась. До конца начатое дело довела, словно после больницы палаты стены домашнего очага помогали. От всего этого спокойно становилось на душе, и сердце, кажется, не так чувствовалось, как прежде. Нашла даже силы Люську искупать, свекрови помочь помыться и самой ополоснуться вдоволь нагретой водой, в тёплой от жарко натопленной плиты кухне.

В хорошем настроении встретила Поинка мужа, к ужину подоспевшего с шабашки, на удивление трезвого, с бутылкой водки, непочатой даже, в кармане.

— Держится. Не пьёт. Переживает всё же, — она благодарно посмотрела на сильно сдавшего от выпивок мужа, как-то разом потеплела к нему.

— Молодчина ты у нас! — она поцеловала его в небритую щёку, усадила за стол. — Теперь можно и рюмочку в честь праздника. Заслужил!

Потчуй мужа, Поинка, естественно, даже не притронулась к спиртному, к чему, к слову, никогда и не имела влечения. Василий тоже держался, после третьей рюмки на чай перешёл.

Отужинав, бельё с улицы занесли, на кухне досушивать

развесили. По-семейному в зале у телевизора посидели, Люськины песни послушали, в картишки перебрались.

Перед сном Поинка мужу волосы аккуратно подкоротила ножницами, мыться заставила, легла следом за ним в свежестеленную постель. По привычке, включив торшер, свежие газеты просмотрела. Приподнялась, неудобно как-то потянулась выключить свет и вдруг охнула и, обмякшая разом, упала на подушку.

— Что с тобой? — испуганно вскочил Василий.

— Таблетки подай... Там, в сумочке, — еле выговорила Поинка, настолько сильно сдавило в груди, что не было сил говорить.

Лекарство не помогло. Давило внутри, затруднялось дыхание.

Пришлось вызывать «скорую».

Ожидание было томительным.

— Скорее бы приехали! Боль скорее сняли, — беззвучно шевелила Поинка ссохшимися губами, стараясь не потерять сознание. — Скорее бы!

Врач, наконец-то подъехавшая в «скорой помощи», не торопилась. Молоденькая совсем, не по возрасту спокойная и медлительная, она долго расспрашивала задыхающуюся Поинку, искала всё её пульс.

Первые два укола не ускорили ритм Поинкиного сердца,

что сильно удивило врача, но не вывело её из довольно флегматичного равновесия.

— Ничего страшного, — сказала она обеспокоенному Василию, достала более ёмкий шприц. — Сейчас добавим дозу, и всё будет в порядке.

От третьего укола Полинка слабо вскрикнула, дёрнулась всем телом. Словно все боли, которые пришлось ей испытать за свои прожитые годы, одновременно явились к ней в это мгновение. Она дёрнулась ещё раз, уже молча, и затихла. Её сердце остановилось. От огромной порции инъекции оторвался сердечный клапан, препятствующий обратному движению крови, и... оборвалась Полинкина многострадальная жизнь.

— Ничего не понимаю, — недавно лишь начавшая самостоятельно работать врач «скорой помощи» в недоумении пыталась всё нащупать в холодеющей руке пульс. — Придётся везти в больницу, — опустив Полинкину руку, спокойно проговорила она.

Василий укрыл жену простынью, укутал в одеяло и торопливо понёс её, невесомую почти, на выход.

Старая мать его молчаливо и, кажется, безучастно глядела им вслед. Люська, намотавшаяся за день, спала.

Настенные часы ритмично отсчитывали первый час нового, уже праздничного дня.

## РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Напрасно торопились они к утреннему автобусу.

— Не придёт. Сломался, — огорчил их наряженный, на взводе уже мужичонка. — Моих только что сосед на легковушке из города привёз. Случайно у него получилось. На вокзал заехал за куревом, увидел... Вот иду родню звать. Соберёмся, на кладбище пойдём. А вы на горку идите, на поворот асфальтовый. Быстрее уедете. До района попутные оттуда часто ходят. Может, и вахтовый с Пронькинской буровой завернёт. Ещё лучше. До места доставит, если до города вы...

Грачёв не нуждался в подсказке. Знает. Раз-другой в месяц приезжает он в деревню, к теще. Накладно, конечно, ему такое и по времени, и по деньгам. Жила бы теща и дальше с ними в уютной городской квартире, куда после сильного инсульта её забрали. Нет же, не захотела. Еле оправившись от болезни, домой, в саманную избу свою запросилась. Потянули возвратные корни родной земли, никакими убеждениями и уговорами не удалось удержать её в бетонных стенах. Пришлось Грачёву срочно за газовое отопление избы взяться, из-за болезни хозяйки не газифицированной вовремя, вместе со всеми. Хватило хлопот ему, зато теперь с дровами возиться не надо. И в уличный водопровод он врезался, «зимник» в тещином дворе поставил,

чтобы без воды она не сидела. Не под силу ей до неблизкой колонки дохрамывать, просить приходилось каждодневно ведёрко водицы принести. Болезнь даёт о себе знать. Хорошо ещё, за собой ухаживает, потихоньку по дому справляется. Даже им подмогнуть стремится, беспокойная душа: в огороде возится, курочек завела и поросёнка выкармливает. Пытался он, её жалеючи, отговорить от домашних дел. Бесполезно! Догадался: «Этим она и живёт». Помогать ей стал.

Пока дошли до асфальта, взмок Грачёв с двумя увесистыми сумками. Семенной картошкой для своего дачного участка нагрузился. Не ожидал, что с автобусом неувязка выйдет.

Майское солнце висело над ветловой рощей, но как-то обманчиво светило, не пригревая утреннюю прохладу. По ковыльному косогору гулял ветерок, безобидный, вроде, но со временем начинающий пробираться насквозь.

Больше часа отстояли. Редкие попутки были при пассажирах или проскакивали, не останавливаясь. Водитель долгожданного вахтового автобуса показал в другую сторону:

— К своим заеду на родительские. В город — вечером только, как рабочих с буровой заберу.

Жена Грачёва не выдержала:

— Давай вернёмся, на кладбище сходим. Видишь, не отпускают нас твои родители и папка мой.

— Помянули ведь?!

— Не по-людски как-то... Выпить выпили, а до могилки не дошли, не провели. Давай вернёмся. Всё равно опоздаем теперь.

— Не опоздаем. Успеем на ташкентский, — заупрямился Грачёв. — Потерпи малость. Сейчас уедем.

Увидев приближающуюся на большой скорости грузовую машину, он решительно выскочил на дорогу, чуть было под колесо не попал. Железно скрежетнул тормозивший ЗИЛ, юзом пошёл.

— Жить надоело? — выскочил из машины водитель, готовый с кулаками наброситься на Грачёва. — Не тебя, чумного, жалко. Меня засудят!

— Прости, пожалуйста. Будь другом, подбрось до главной трассы. Позарез нужно. Опаздываем! — обезоружил его просительным взглядом Грачёв.

— Некуда... Не видишь разве?

— В кузове доедем. Выручи!

— Не могу. Гаишники по всем дорогам катаются. Декадник у них. По безопасности движения называется. Соревнуются, кто больше сдерёт с нашего брата.

— Присядем мы. В случае чего и с ними рассчитаюсь. Понимаешь, на поезд опаздываем, а следующий только ночью, бесполезный...

— Ладно. Женщина в кабину пусть сядет, как-нибудь уместится. — Он подал вскочившему в кузов Грачёву тяжеленные сумки:

— Ого! Кирпичи везёшь?



— Картошку прихватили, будь она неладна!

Тронулись. Как не жался Грачёв к настилу кузова, как ни прятался за кабиной, ветер доставал его. Хорошо, что семь километров всего ехали, не то задубел бы совсем.

— Спасибо, выручил, — поблагодарил Грачёв водителя, протянул деньги. — Возьми...

— Спрячь! — отмахнулся тот. — Не ради них взял. В другой раз осторожнее голосуй. Не то под машину угодишь или шофёр вгорячах покалечит.

Давно отъехал ЗИЛ, а они всё стояли. Набежали тучи, пролились. Оказалось, в спешке зонт не положили. Промокли как следует. Озябли.

— Из-за твоего ослиного упрямства всё! Говорила, вернёмся. Не послушался! — заругалась жена, как спичкой по коробку чиркнула.

— Надо тебе! Нечего было деньги жалеть. Купили «Запорожца» хотя бы захудалого, не мокли бы теперь. Сидела на деньгах со своей маменькой, высиживала, пока полыхнут они синим пламенем.

— Опять же по твоей вине. Не захотел их в ход пустить. На правах единственного зятя мог бы!

Грачёв собрался было кольнуть ответно, но тут остановилась попутка, в райцентр их подбросила, до опустевшей площади автовокзала: укатали в город маршрутные автобусы, и такси не видно.

— Невезуха сплошная! — в сердцах выругался Грачёв, не обращая внимания на справедливые упреки жены. — А ведь всё так складно начиналось...

...На родительскую субботу, ещё не узаконенную как праздник, все отпрашивались на кладбище. Умно рассудило заводское начальство, выходной объявило в этот день: всё равно толку не будет, лучше в ближайшую субботу за этот день отработать.

О принятом решении Грачёв сообщил жене.

— Очень кстати, — обрадовалась она. — Нас тоже отпускают. К матери поедем. Когда ещё вместе вырвемся. Хватит нам выходных или в счёт отпуска денька два попросим?

— Четырёх дней достаточно, — сказал Грачёв. — Самое необходимое сделаем и, главное, на кладбище сходим.

До деревни удачно доехали. С ходу за посадку картошки взялись. Жаль, огород был вспахан безобразно. Чёрные борозды чередовались с пестреющими навозом полосками земли, лишь очерченными лемехом плуга. Торец пашни неровными зубьями впивался в начинающую уже зеленеть травкой приречную половину. Видимо, подвыпивший тракторист не контролировал подъём плуга, к тому же не отрегулированного на огородную вспашку.

— С похмелья пахал, — подтвердила тётца. — Спозаранку

после ноябрьских заехал на бутылку заработать.

— В оплате отказать бы ему за такое неуважение к земле.

— Попробуй, откажи. В другой раз никого не допросишься. Молодо-зелено, а в этом деле солидарность проявляют.

— Кто пахал-то?

— Гришка Японцев. Неопытный к тому же. Он и отцов огород испохабил следом. Материл тот сына. Сам по весне перепахивал. Хотел и наш поправить, да сыровато было. Может, обождем денёк-другой? Обещался, подъедет вдруг?

— Посевная в самом разгаре, вряд ли вывернется. Не будем откладывать, так посадим.

Но лишь начали граблями огород выравнивать, как лёгок на помине — старший Японцев на тракторе подъехал и вспахал, и проборонил лучшим образом, в удовольствие стало копаться. До вечера с картошкой справились. Назавтра, закончив с луком и свёклой и наскоро перекусив, возились в отгороженном огуречнике. Редиску и морковь посадили, вскопали землю под огурцы, помидоры и капусту. На пробу натыкали полгрядки огуречных семечек, высадили немного помидорной рассады, чтобы хозяйке под силу было укрывать их от частых в эту пору заморозков. Ужинали поздно, при электрическом свете. Хозяйка достала из загнетки печи припасённую на особый случай поллитровку «Столичной».

— Не надо бы на ночь глядя, — упрекнула её дочь. — Нечего зятя спаивать. И так в последнее время почти не просыхает...

— С устатку немного можно. Заслужил. Сколько земли перелопатил! Вот сараюшку бы ещё для поросёнка подправить и водичку в огуречник провести...

— Всё сделаем, мать. Два дня впереди, — успокоил её Грачёв, аккуратно опорожнил рюмку, заел привезённой из города селедкой, приправленной зелёным лучком с тещиною огорода.

— День всего! — поправила его теща. — Как хотите, а на родительскую не позволю работать. Нехристи, что ли?

Грачёв не стал возражать, хотя неотложную работу по дому не считал грехом на любой церковный праздник. Он выпил ещё рюмку, вдосталь поел и отправился на боковую.

На следующий день, спланировав его толково, он сделал всё необходимое. Но выложился так, что в жарко натопленной бане не выбрал и половины пара. Не хватило сил похлестаться берёзовым веничком, как обычно.

После бани и хозяйку, тоже умаявшуюся за день и рискнувшую на глоток водки, быстро сморило. Чтобы не мешать ей своими разговорами, Грачёв с женой, в накинутых фуфайках, вышли во двор, долго сидели под развесистым клёном, наслаждались целебным воздухом.

— Коли на работу запрет, не уехать ли нам утренним рейсом?

— предложил Грачёв. — Сходим спозаранку на кладбище и поедим. Обещался к товарищу из НИИ на круглую дату.

— Лучше к тётке после кладбища сходим. Давненько не проведывали.

— К родне всегда успеем. В отпуск скоро приедем, всех — и близких, и дальних обойдём. А в этот раз на юбилее интересных людей послушаем. Давай уложимся сейчас, чтобы утром не суетиться.

— Не хочется что-то. Утром соберёмся. Не проспим, думаю. Мамке скажу, разбудит.

Не вышло по задуманному. Проспали. Как ни собирались спешно, на кладбище не осталось времени.

— Всё равно утренним уедем. Родителей же так помянем, — твёрдо сказал Грачёв, раскупорил оставленную для кладбища поллитровку, налил всем водки, наклонил чуть свою, капнул спиртное на стол:

— Царствия вам небесного, родные...

...Оторвался Грачёв от воспоминаний, опять выругался:

— Невезуха сплошная! Добрать бы вчерашний пар сейчас...

На дневные поезда они опоздали. В ожидании ночного долго сидели в неотопливаемом помещении вокзала. Помалкивали больше. Выговаривались. Как назло, ночной поезд задержался в пути, так и не навестал допущенное отставание до их станции, отчего Грачёв, ко всему прочему,

не успел на важную утреннюю планёрку. Неприятно, пришлось объясняться с начальством. К тому же, простудно обметало губы. Побриться не мог, даже слабое касание лезвия отзывалось болью.

— Будешь знать, как родителей не почитать и меня не слушаться, — сказала было жена и невольно засмеялась над вспухшими, перекошенными в одну сторону губами мужа, но тут же осеклась: у самой беспокойно на душе, тоже ведь на кладбище не сходила.

Два дня крепился Грачёв, на третий не выдержал, отпросился с работы. Дома глянул в зеркало на своё обезображенное лицо и ужаснулся — так разнесло!

— Если на утро не полегчает, за помощью обращусь, — решил он, ещё толком не зная куда идти: до сих пор не нуждался в больничном листе.

Время было обеденное, но есть ему не хотелось. Он достал фотоальбом, выбрал последние снимки родителей и тестя, положил перед собой.

— Может, впрямь на меня такое, что перед вами провинился? — спрашивал он, словно мог получить ответ.

Глаза тестя на морщинистом расплывчатой улыбкой лице ничего не выражали.

— Ясно, под газом снимался, — определил Грачёв.

В последние годы тесть редко бывал трезвым, словно навёрстывал упущенное за первую

половину жизни, когда до тридцати лет капельки спиртного в рот не взял. Пить начал, как на трактор сел. С техникой тогда туго было. Частенько его просили подмогнуть после работы. Не мог отказать. Как и от поднесённого стаканчика отказаться, чтобы не обидеть хозяев. Иные выпивохи даже без надобности зазывали. Скажем, одну и ту же навозную кучу с бульдозера с места на место перетолкнуть, чтобы бутылку у жены выудить... Так и пристрастился помаленьку. Затянула, доконала его «зеленоглазая», до пенсии не дотянул. Как ещё умудрялся не прогуливать, сложные задания тракторного бригадира выполнять? Работающий был мужик, нескандальный. Ладили они...

Отец на своё восьмидесятилетие фотографировался, за три года до кончины. Живой, с лукавинкой взгляд. Лицо почище, чем у тестя, несмотря на двадцатилетнюю разницу между ними. В отличие от своего свата, отец всё же знал меру в питье и, главное, пыльную тракторную работу вовремя оставил, в учётчиках до пенсии ходил. Натянулось, до предела осложнилось отношение сына к отцу после смерти матери, когда, едва справив сорокадневные помины по жене, привёл отец другую, не посчитавшись с мнением младшего своего — хотя бы до года потерпеть. Долго не показывался сын в родительском доме, без матери ставшим чужим. Только не ожесточился

он после того, как отженихался отец, один на старости лет остался, до последнего его дня поддерживал и заботился по-сыновьи. Нет, отец тоже не обидится на него...

А вот перед матерью он кругом виноват. Приезжая на каникулы, скорее убегал к невесте. Невесте же с заработанных в стройотряде денег дорогие безделушки дарил, не подумал матери туфли и плюшевую жакетку привезти, о чём, знал, давно она мечтала. В последние годы матери не приезжал вовсе домой, у невесты пропадал, после школы в город подавшейся. Даже на похороны матери опоздал. С кладбища уже шли, когда он явился. Нет ему оправдания, хотя умирающая мать запретила тревожить его: «Пускай учится спокойно. Сорвётся, отстанет ещё... Всё равно ведь не поможет мне». Как же в отцовском письме, как выяснилось потом, написанном под диктовку матери, не уловил он плохо скрытую тревогу? Больше о женитьбе своей думал и за неделю какую-то до закатного часа матери друзей на свадьбу собрал. Родственников не пригласил, намереваясь вскорости в деревне по-настоящему отгулять. Хорошо, догадался свадебные снимки прислать. Успела мать увидеть, благословить: «Вот и славно! Пора! Давно друг дружку любят...» До последнего вздоха она беспокоилась о нём. А он?

— Прости, мамка... Прости, родимая! — шептал он.

Не вытирая катящихся по щекам слёз, долго смотрел в материнские глаза, даже на фотографии полные беспокойства.

## ТЁПЛОЕ МЕСТО

Сваленную на подталый мартовский снег завидно белую, крепкую капусту, к тому же недорогую по цене, брали нарасхват, и скоро на месте хрусткой горки кочанов остались одни лишь капустные листья.

В этой куче, быстро прихватываемой окрепшим к вечеру морозом, неспешно, словно вокзальный бомж, рылся вполне благовидный старик. Сложив отобранное в матерчатую сумку, чуть прихрамывая, он отправился к перекидному мосту. С двумя передышками одолел лестницу, остановился на мосту поднять дешёвой сигаретой.

С моста, высоко и длинно нависшего над железнодорожными путями, хорошо просматривалась на обе стороны крупная станция с действующим и строящимся вокзалами, с различными служебными и техническими сооружениями.

Сход с моста выводил к локомотивному депо, где начинал он работать после окончания железнодорожного училища, о котором ему напоминает сохранившийся ремень из кожзаменителя с выдавленными на литой бляшке буквами Ж и У.

Из высокой трубы деповской котельной необычным деревом пророс дым, сейчас при закатном солнце разноцветный: в основании тёмно-фиолетовый, к середине — сиреневый, дальше — розовато-жёлтый почти до самого верха с чуть скошенной ветром расплывчатой кроной, белёсо сливающейся с небом. Подобных дымов-деревьев проросло множество, поскольку пристанционный район и по названию, и по сути — промышленный, и таким дружным колком они поднимаются над ним. Больше всего дымов, естественно, над ремонтным заводом, куда из родного депо вынужденно перевёлся он перед самой пенсией...

...В аварию угодил. Несколько часов без сознания на морозе пролежал, выброшенный из кабины тепловоза при ночном столкновении с другим, таким же, в глухоманной казахской степи. Министерская комиссия не усмотрела его вины, но по состоянию здоровья врачи категорически запретили ему садиться за тепловозный контроллер в кабине машиниста. Помороженные пальцы цепкость потеряли, частенько не слушались. Спасибо заводскому начальнику по кадрам, под свою ответственность направил его на железнодорожный участок, где и тянул он машинистом маневрового тепловоза до увольнения, не считая недолгой работы напоследок сторожем в одном из административных зданий...

Любуясь дымами, старик бережливо докурил сигарету. Похромал дальше по бетонному настилу моста.

— Капустки взяли, Егор Кузьмич? — спугнул стариковские вязкие думы тёплый женский голос. — Дайте понесу. Тяжело ведь.

— Не тяжело, Катерина, — узнал он заводскую кассиршу. — Листочки одни. У магазина подобрал. А вот спуститься подмогни, дочка. Ступени сильно скользкие, а пальцы одеревенели словно. За перила не удержаться.

Молодая кассирша легко подхватила его под руку, свела по скользким ступеням вниз, поинтересовалась содержанием сумки:

— Кроликам?

— Самим с бабкой на щи отобрал. Свежие листочки, чистые. Пойдут для нас. С деньгами худо. Пенсионные недавно вот получили, сразу же дочке послали, на лекарство внуку. С кровью у пацана неладно.

— Серьёзная болезнь, — почувствовала она.

— Нехорошая, сказывают. К тому же с зятем нам не повезло. Мало, что дочку далеко увёз, к водке быстро пристрастился. Не выдержала дочка, развелась. Одна теперь с больным сынишкой. Еле-еле концы с концами сводит, — разоткровенничался старик. — Переживаем за неё шибко. Потому сильнее всё гипертония бабку давит.

— А что же вы, Егор Кузьмич, сторожить бросили? Приработок

как раз бы кстати был. И место было тёплое, не то что в литейном цехе, где сквозняки гуляют и дышать нечем. Знаю, дядька мой немного поработал там. Рассказывал.

— Так и я знаю. Перед уходом с завода предлагали туда. Отказался. Не по моему здоровью. А с места, как ты говоришь, тёплого-то меня сократили. С Нового года ещё. Начальник вызывал, что Ивана Васильевича сменил. Усатый такой, с лысинкой. Как его? Фамилия такая огородная, неблагозвучная...

— Паслёнов, — подсказала кассирша, — Эдуард Палыч.

— Во-во. Извинялся за сокращение. Мол, не может за мной это место сохранить... Мол, упраздняется оно...

— А сам сходу оформился на это место, — не сдержала свои эмоции, перебила его кассирша. — Ну Эдичка! Ну даёт!

— Не может быть, — усомнился старик. — Путаешь ты что-то, Катерина.

— Нисколько! — обиделась даже кассирша. — Сама же сторожевые ему выдаю. Дошли бы до него, Егор Кузьмич, ситуацию свою обрисовали.

— Попробую, — пообещал ей на прощание Егор Кузьмич, не очень-то поверивший услышанному: разве позволит большой начальник до сторожа опуститься и его, заслуженного ветерана, обидеть?

Посомневался он, но всё же собрался к Паслёнову: попытка

— не пытка! Выбрился, приделся. С трудом добирался. При морозе. К тому же с ветерком.

Долго дожидал Паслёнова, следом за ним протиснулся в дверь.

— Погоди, дед, — остановил его хозяин кабинета, с мороза занявшийся выщипыванием сосулечек из отвислых усов. — Срочные дела решу и позову.

Егор Кузьмич дисциплинированно стал ожидать приглашения. К Паслёнову входили и выходили посетители. А его всё не звали. Пришлось ему напомнить о себе.

— Эдуард Павлович, не забыли обо мне?

— Сказал же, позову, как освобожусь! — недовольно глянул на него Паслёнов, точно ржавыми буравчиками просверлил. Барственно развалившись в кресле, он сидел за столом с распушёнными уже усами, с прилизанной волос к волосу жидкой причёской. Похоже, смилостивился к старику. — Так что у вас? Только быстро, давайте!

Не успел Егор Кузьмич высказать суть прихода, как без стука вошла расфуфыренная дамочка:

— Не опоздала я, Эдичка?

— В самый раз! — услужливо закружился возле неё Паслёнов, кивком головы указал старику на выход.

— Надолго, видно, у них, — огорчился Егор Кузьмич, нетерпеливо заходил по коридору.

— Кузьмич, ты ли? — окликнули его из угловой комнаты, где

не так давно, будучи сторожем, и он по ночам бодрствовал. — Каким ветром занесло?

— С Паслёновым никак не могу переговорить, — заглянул он в знакомую комнату, не скрыл своего удивления от появившихся там телевизора, холодильника и дивана. — Ого! Со всеми удобствами!

— Эдуард Палыч не может иначе, — пояснила уборщица. — Он, дочка сказывала, и в цехе такую же комнатку рядом с кабинетом своим имел.

— Разве не из пришлых он?

— Не знаю, как и сказать. И уходил он с завода не раз, и возвращался. В последнее время начальником электроцеха был. Дочка там у меня табельщицей...

Егор Кузьмич вспомнил табельщицу электроцеха, которая не пускала его к начальнику, и самого Паслёнова вспомнил, безусого тогда, отказавшегося принять его сторожем. Ещё паслёновскую, пересыпанную матом истерику при нём, считай, постороннем, предназначенную кому-то на другом конце телефонного провода, вспомнил. Как сейчас услышал его тогдашнее: «Взорвать бы этот завод с его революционными традициями!»

— Вот он каков, оказывается! Вчера готов был бомбу подложить под старейшее предприятие города, а сегодня о его благе высокие слова с трибуны льёт как один из руководителей завода, — покачал седой головой Егор Кузьмич. — Быстро

же переделался, словно вывеску сменил. Даже внешне изменился, как бы маску новую надел...

Подивившись неожиданному для себя открытию, спросил:

— Не обижает Паслёнов?

— Не жалуясь пока. Разве ключи вот от этой комнаты не доверяет. На время лишь даёт. Он и в цехе, как сейчас мне, никому, кроме дочки моей, не позволял убираться. Да я и не обижаюсь. Хорошо ещё на работе меня, пенсионерку, держит.

— Из-за дочки, похоже, Матвеевна держится, — вдруг подумал Егор Кузьмич. — Пойду я, — сказал он задумчиво. — Всего доброго тебе...

Паслёнов всё ещё любезничал с дамочкой.

— Да он же смеётся надо мной, на измор берёт, — занервничал Егор Кузьмич. — Видимо, понял, зачем я пришёл. Может, и кассирша обо мне ему сказала... А я-то губы раскатал. Куда там! При увольнении он лишь хорошо говорил, чтобы по-тихому со мной расстаться. Боялся, видно,

что шум подниму, пусть и бесполезный, но неприятный для него. Теперь закорневел. И ничего с ним не сделаешь. Не те времена! Такие за справедливый и добрый характер и свалили Ивана Васильевича. Э-эх!

Сильно растрожил себя Егор Кузьмич. Не приходил бы лучше! Тяжело дохромал он до своей, первой на станции, деповской двухэтажки. Прежде чем зайти в тесную квартиру, откуда, верный памяти родителей — потомственных железнодорожников, не захотел он съезжать в новый дом, передохнуть решил. Две сигареты выкурил, успокаиваясь и обдумывая, что большой жене сказать.

— Ну, как? — спросила она. — Договорился?

— Знаешь, мать, передумал я в завод идти, — через силу весело солгал он. — Нет смысла за мизерную зарплату на завод колдыбать. Корейца знакомого встретил. Столковался с ним на лето лук и арбузы стеречь. Хорошие деньги заработаю. Не пропадём!

*Поздравляем  
Владимира Ивановича Петрова  
с 70-летием и желаем здоровья,  
крепости духа и творческого  
вдохновения!*